

Национальные отношения. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭТНОЭКОНОМИКИ ЮГА РОССИИ

Автор: Н. Н. ЛЕБЕДЕВА, О. А. ЛОМОВЦЕВА

Феномен этнической устойчивости проявляется не только в воспроизведстве и модификации этносом своей культурно-исторической самобытности, но и особенностей сложившегося разделения, специализации, кооперации и интеграции труда. Даже на фоне все большей открытости социально-экономического пространства в мировом масштабе отчетливо прослеживается устойчивость роли этнического фактора в экономическом сознании и практике хозяйствования. Для многих территорий понятие "этноэкономика" - не научная абстракция, а повседневная реальность.

Одновременное действие тенденций регионализации и глобализации в этноэкономике проявляется в наследовании и воспроизведстве этносом типов, форм и способов хозяйствования и в приспособлении к современным геоэкономическим условиям. Это закономерно, поскольку большинство этносов "территориальны", они имеют определенные, хорошо идентифицируемые ареалы пространственной локализации, которые стремятся сохранить, одновременно пытаясь органично включиться в региональные или субрегиональные социоприродохозяйственные системы.

Стоит отметить, что использование термина "этноэкономика" требует пояснений. Обычно он употребляется в узком значении, например, когда речь идет об "этническом разделении труда", проявлением которого служит концентрация отдельных меньшинств в некоторых профессиях и секторах экономики, или как проявление особых этнических традиций в рамках отдельного предприятия. Часто под этим подразумевается имеющая криминальный оттенок экономическая активность этнических диаспор, причем это касается не только России, но и Америки, Европы, Азии [Флиер, 2002; Barton, 1965; Horowitz, 1985]. Аналогичным образом этноэкономику определяют как систему с чертами традиционного аграрного производства, сохраняющего свойства персонифицированного локального сообщества, часть продукции и услуг которого не принимает форму прямого товарно-денежного обмена, словом, рассматривают ее как элемент традиционализма [Андреев, 1996; Авксентьев, 1998].

Между тем этноэкономика представляет собой куда более сложную, многоступенчатую систему. В ней, во-первых, просматриваются три уровня: макро - экономика этнически однородных стран, мезо - хозяйство регионов (республик, краев, областей) и ми-

Лебедева Надежда Николаевна - доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории Волгоградского государственного университета.

Ломовцева Ольга Алексеевна - доктор экономических наук, профессор, заведующая лабораторией устойчивого экономического развития Кавказа Южного научного центра РАН.

Рис. 1. Структура этнических экономик.

кро- - хозяйство отдельных производственных единиц. Во-вторых, состояние рассматриваемого феномена варьируется также по параметрам легальности, типа, формы хозяйства (см. рис. 1).

Таким образом, понятие "этническая экономика" обладает более широким смыслом: это относительно самостоятельная сфера общественного воспроизводства, функционирование и развитие которой определяется в первую очередь этническим фактором. Она, наконец, может рассматриваться и как особая модель экономического развития, реализующаяся на уровне государства или его отдельных территорий (например, Чукотский округ или северокавказские республики в России). А в странах с этнически гомогенным составом населения национальная экономика, как правило, приобретает ряд черт, отличающих ее от хозяйственных моделей государств с другим типом культуры. Примеры такого рода можно найти на европейском и азиатском, африканском и американском континентах.

Теперь перейдем к предмету нашего рассмотрения - этноэкономике "национальных" субъектов Федерации на юге России, которое будет осуществляться на мезоуровне. Наша цель - проанализировать, как действуют этноэкономические системы автохтонной части населения республик Северного Кавказа (их аллохтонные группы в соседних областях и краях в значительной мере сохраняют особенности взаимоотношений и хозяйственного уклада своей исторической родины)¹.

Итак, **условие** существования этноэкономики - ограниченное физическое пространство, в котором локализован этнос. Еще в XIX в. В. Ключевский отмечал значительный уровень влияния природного фактора на хозяйственную деятельность человека, который "поминутно и попеременно то приспособляется к окружающей его природе, к ее

¹ *Автохтоны* (аборигены) - исконное население данной территории. *Аллохтоны* (пришельцы) - некоренное население, появившееся в данной местности вследствие переселения из первичного для него региона.

силам и способам действия, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказаться" [Ключевский, 2000, с. 53, 54]. Современная ситуация в Южном федеральном округе (ЮФО) убедительно свидетельствует, что территориальная локализация, определяя одинаковость условий жизни, обуславливает особые формы организационной жизнедеятельности. Их специфика, в частности, проявляется в высоком уровне внутренней консолидированности, изолированности поселений и традиционно-общинных отношениях внутри социума [Колесников, 2003, с. 20].

Причина сохранения этноэкономики в разных ее видах - как легальных, так и нелегальных - непредсказуемость окружающей среды, заставляющая этническое сообщество в целях выживания и воспроизведения замыкать хозяйствственные связи на внутреннее пространство, строго контролируя связи вне его [Роуз, 2002, с. 24].

Сбалансированное воспроизведение этноэкономики в общей динамике территориально-локализованных систем приобретает особую значимость для полиглоссических высокодепрессивных регионов периферийного типа. Для них актуальны вопросы использования профессионально-трудового потенциала этноса в условиях поляризованной и стратифицированной экономической системы, удаленности от основных "точек роста". В частности, в национальный состав российских регионов Кавказа входят представители различных этнических групп. Они неоднородны в социальном плане, но в большинстве своем занимаются мелким и средним бизнесом, отдают приоритет торговле и ремеслам перед профессиями, связанными с научно-техническим (в первую очередь промышленным) производством. Для "традиционной мусульманской экономики" характерна ориентация на высокие доходы, потребность в больших расходах (содержание многодетных семей, многолюдные религиозные праздники и пр.), а также кланово-земляческий характер взаимоотношений этноса [Кубышкин, Годунов, 1998, с. 135].

Данные обстоятельства обуславливают неравномерность экономического положения различных частей ЮФО, где по критерию хозяйственной активности легко выделить ареалы: "Южный-1" (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания), "Южный-2" (Республика Адыгея, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область) и "Южный-3" (Республика Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области). В первом ареале экономическая активность низкая; во втором - средняя; в третьем - высокая [Суспицын, 2004, с. 14, 15].

Группировка ареалов осуществлена с учетом географической близости, схожести природно-климатических и ресурсно-сырьевых условий, а также темпов роста экономики региона. Она может быть использована при выработке мероприятий социально-экономической политики, проводимой на федеральном уровне, которая, в целом, строится с ориентацией на более сильные регионы. Обладая большим потенциалом, регионы-лидеры из "Южного-2" и "Южного-3" с целью его более полной реализации активно используют соответствующие компоненты федерального курса (политика доходов, экономического роста, инвестиционная и бюджетная политика). Напротив, в регионах-аутсайдерах в "Южном-1" с их низким экономическим потенциалом реализовать возможности, создаваемые перечисленными направлениями региональной политики, не удается. Для этих субъектов Федерации более значимы аграрная, инфраструктурная и налоговая политики, а также федеральные программы занятости.

Используя систему показателей, характеризующих совокупный ресурсный потенциал того или иного региона, можно графически отразить профиль развития как способ представления измерений и сравнений потенциалов различных территориальных образований в масштабах одного округа. Такой способ измерения в какой-то степени напоминает так называемый "кристалл развития", однако мы придерживаемся мнения о том, что кристалл - это застывшая, статичная форма существования факторов жизнедеятельности региона. Для развития же адекватнее представление факторного среза в виде ядра или генома по аналогии с живой биологической субстанцией, движение которой символизирует жизнь. Здесь нет противоречия, ибо срез состояния факторов по форме своей - кристалл, по сущности - геном, а по способу измерения - профиль.

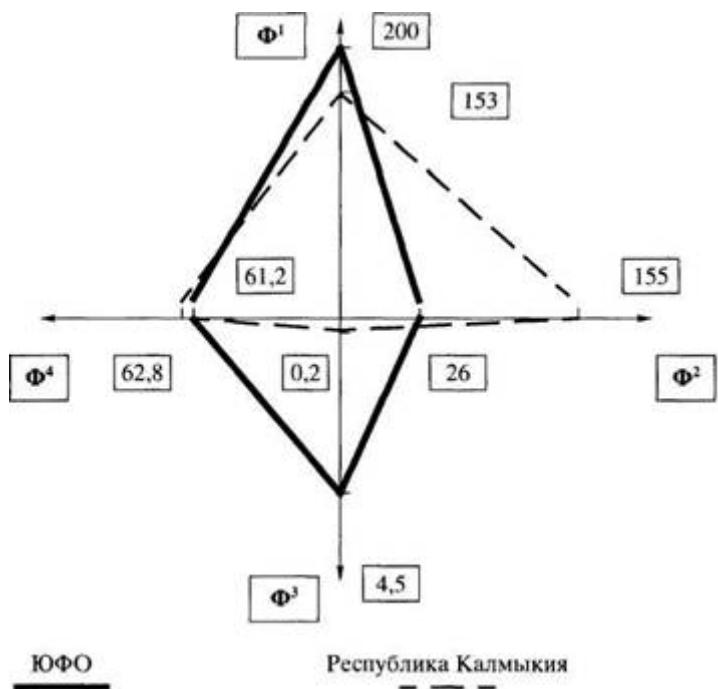

Рис. 2. Профили развития Республики Калмыкия и Южного федерального округа.

Проиллюстрируем сказанное с помощью построения профилей состояния факторов региональной экономики ЮФО в целом и в частности Республики Калмыкия. Для иллюстрации степени развития человеческого фактора возьмем показатель уровня экономической активности населения (Φ^4 , %); технико-технологического фактора - стоимость основных фондов всех отраслей экономики на одного занятого (Φ^1 , млн. руб./тыс.чел.); природного фактора - площадь земель, используемых для сельскохозяйственного производства, на одного занятого в сельском хозяйстве (Φ^2 , тыс.га/тыс.чел); организационного фактора - численность занятых в сфере управления к общему числу занятых (Φ^3 , %) [Иншаков... 2001] (см. рис. 2).

Сравнение отдельных показателей развития различных регионов со значениями аналогичных по ЮФО в целом демонстрирует степень асимметрии в развитии факторов ресурсного потенциала, а также позволяет обосновывать принятие инвестиционных управленческих решений, обеспечивающих сохранение воспроизводственной основы региональных социоприродохозяйственных систем и разработку программ и планов социально-экономического развития. Обратившись к "национальным" регионам Северного Кавказа, можно обнаружить, насколько они неоднородны по экономической и социальной динамике (см. табл. 1) [Шандиров, 2003, с. 13].

На примере типичного для Северного Кавказа этнического региона - Кабардино-Балкарии, квалифицируемого как периферийный, аграрный с низким уровнем экономического развития, рассмотрим роль в нем его этнической составляющей. В республике сложился и устойчиво функционирует этноэкономический комплекс, имеющий ряд структурных компонент: традиционно-этнический (сельское хозяйство и иные традиционные виды природопользования и народные промыслы), индустриально-этнический (промышленная переработка сельскохозяйственного сырья), рыночно-трансакционно-этнический (горный туризм). Поскольку удельный вес первой компоненты возрастает за счет увеличения объема равнинного и предгорного земледелия и скотоводства, а так-

Таблица 1 Дифференциация этнических регионов Кавказа по группам

Удельный вес автохтонов в демографической структуре	Типологический признак группировки		
	По параметрам территориального потенциала (% от общей площади РФ)	По параметрам демографического потенциала (количество чел.)	По уровню экономического развития (годовой объем произведенной промышленной и с/х продукции на 1 жителя)
<u>Значительный</u> (20 - 50%) Адыгея	Сверхмалый (до 0,4% от общей площади РФ)	Малый (0,1 - 0,8 млн. чел.)	Низкий (менее 12,5 тыс. руб.)
<u>Доминантный</u> (более 50%):			
Калмыкия	Малый (0,4 - 0,8)	Малый	Низкий
Дагестан	Сверхмалый	Значительный (1,6 - 3,5)	Низкий
Ингушетия	Сверхмалый	Малый	Низкий
Кабардино-Балкарская Республика	Сверхмалый	Малый	Низкий
Карачаево-Черкесская Республика	Сверхмалый	Малый	Низкий
Республика Северная Осетия-Алания	Сверхмалый	Малый	Низкий
Чеченская Республика	Сверхмалый	Малый	Низкий

же высокогорного скотоводства, это означает возвращение к традиционному аграрному укладу - ведению хозяйства в рамках отдельной семьи, которое, по сути, программирует развитие этноэкономики Кабардино-Балкарии как экономики выживания.

Поиск эффективной ниши для указанной сферы хозяйства республики должен идти в направлении наращивания производства готовых изделий и услуг (пищевая промышленность, отдельные отрасли машиностроения, рекреация). Аналогичным образом для большинства этнических регионов Кавказа вполне реалистична модернизация на основе развития производства продуктов с высокой долей добавочной стоимости с использованием профессионально-трудового потенциала этноса (см. табл. 2).

И подобный поиск весьма актуален в контексте существующего несоответствия состояния экономики входящих в состав Южного федерального округа этнических субъектов Российской Федерации и индикаторов благосостояния их жителей. Действительно, Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика и Республика Северная Осетия-Алания, занимая свыше 30% территории ЮФО, на которой проживает 28% населения, производят лишь 16% валового регионального продукта (ВРП). Среднемесячная номинальная заработка составляет порядка 80% от средних показателей по федеральному округу; а расходы и сбережения еще менее значительны - только 53%. Основная производственная деятельность населения сосредоточена в сельском хозяйстве и строительстве - соответственно, по 21% от общего объема производимой продукции. В республиках также весьма значительна безработица, уровень которой превышает средний по ЮФО в 1,7 раза.

Одновременно показатели доходов от предпринимательской деятельности и труда, включая скрытые, соответствуют среднему уровню по ЮФО (доходы по социальным выплатам даже превышают его на 0,3%). В республиках на продукты питания расходуется средств на 5% больше, чем в среднем по округу (правда, на приобретение непродовольственных товаров и услуг, соответственно, на 1,2% и 3,3% меньше). Уровень обес-

Таблица 2

Перспективные направления развития этноэкономик регионов ЮФО

Регион	Направления инвестирования
Республика Адыгея	Освоение ресурсов минеральных вод; развитие сельскохозяйственного производства зерна и винограда; развитие переработки сельскохозяйственной продукции (сыр, молоко, овощи и пр.)
Республика Дагестан Кабардино-Балкарская Республика	Разработка и добыча нефтяных ресурсов Каспия Развитие пищевой и легкой промышленности; использование минерально-сырьевых ресурсов (вольфрама, молибдена), создание санаторно-курортного комплекса в Приэльбрусье
Карачаево-Черкесская Республика	Развитие курортно-рекреационной сферы
Краснодарский край	Развитие промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции; производство оборудования для перерабатывающих отраслей промышленности; модернизация южных портов (Новороссийск, Туапсе)
Ставропольский край	Развитие курортно-рекреационного комплекса Кавказских минеральных вод; развитие переработки сельскохозяйственной продукции
Ростовская область	Модернизация южных портов (Азов, Таганрог); развитие курортно-оздоровительного комплекса Азовского моря и дельты реки Дон
Астраханская область	Развитие курортно-рекреационного комплекса дельты реки Волга
Волгоградская область	Развитие промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции; развитие курортно-рекреационного комплекса Волго-Ахтубинской поймы

печенности товарами длительного пользования на фоне статистики зарплаты и занятости впечатляет. Например, обеспеченность телевизорами составляет 99% от аналогичных данных по ЮФО, видеомагнитофонами - 79%, персональными компьютерами - 62%, холодильниками - 92%, стиральными машинами - 88%, легковыми автомобилями - 93%. Численность студентов на 10 тыс. человек примерно соответствует среднему уровню [Регионы... 2003].

Итак, налицо несоответствие: производя менее 1/5 регионального ВРП, жители республик обладают доходами, товарами длительного пользования и возможностями обучения практически на уровне Южного округа. Что же позволяет агентам и субъектам этноэкономик выживать в условиях низкой производительности труда? Оставив в стороне анализ криминальных аспектов современного российского бизнеса, особенно в его этнической ипостаси, отметим: на наш взгляд, основа и условие существования этноэкономик в трансформирующемся мире индустриальных технологий - социальный капитал.

Социальный капитал - многогранное понятие. Ф. Фукуяма определяет его "как набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы" [Фукуяма, 2003, с. 30]. Данный феномен трактуется и как "совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием длительными сетевыми связями более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, иными словами, членства в группе, которое обеспечивает каждому из своих членов поддержку в виде коллективного капитала" [Bourdieu, 2001, р. 102, 103]. Существует мнение, что социальный капитал характеризует "включенность в систему отношений (родственных, дружеских, земляческих и т.д.), обеспечивающую доступ к ресурсам других акторов (или более эффективное использование собственных ресурсов с их помощью), способ-

ствующую наращиванию совокупного капитала и как следствие этого - углублению неравенства в обществе" [Тихонова, 2004, с. 24]. Как бы то ни было, важность и значимость социального капитала - признаваемых субъектами хозяйственных взаимодействий норм, правил, обычаев, традиций, имплицитных договоренностей, формальных и неформальных ограничений для осуществления эффективных взаимосвязей в процессе хозяйственной деятельности - не подлежит сомнению.

Причины существования социального капитала - разнообразие потребностей людей; уровень развития разделения труда; доступ к частным и общественным источникам помощи (службы государственного обеспечения); уровень благосостояния (чем он выше, тем меньше необходимость в помощи со стороны других); сложившиеся традиционные формы оказания помощи; замкнутость социальных образований и, наконец, уровень организации и масштабы осуществления социальных контактов [Коулман, 2001, с. 128]. Условием сохранения социального капитала выступает доверие между его обладателями, а формой существования - социальные сети, через которые устанавливаются и поддерживаются отношения доверия между людьми, инструментами реализации - знакомства, рекомендации, должности, хорошие отношения, подарки, личные услуги и т.п.

Социальный капитал следует различать по степени зрелости. Преимущественно формальные связи характерны для "гражданского общества", в котором, в отличие от традиционного сообщества, социальные сети выступают в форме крупных неперсонифицированных бюрократических организаций, опирающихся в своих действиях на соблюдение законов [Роуз, 2002, с. 24]. Преимущественно неформальные связи распространены либо в тоталитарно управляемых, либо в традиционных социумах. В этом случае социальные сети неформального типа основаны на доверительных отношениях, охватывающих ограниченное число персонифицированных связей, базирующихся на кровном родстве, общности интересов и предпочтений.

Социальный капитал традиционных сообществ ориентирован на воспроизведение накопленного исторического и бытового опыта, нравов, обрядов, технологий жизнеобеспечения и социальной активности. Применительно к реалиям ЮФО можно сказать, что тамошний традиционализм, базирующийся на авторитете этнических норм, во многом обуславливает низкий уровень общего социально-культурного развития, бедность, незначительную урбанизированность, слабость современной индустрии. Регион также является немало негативных примеров доминирования неформальных социальных сетей: незначительный масштаб распространения, небольшой объем оказываемых услуг и предоставление их в основном в натуральной форме, не отражаемое в учетных записях системы национальных счетов и т.п. Впрочем, не нужно забывать, что, во-первых, множественность такого рода сетей, пронизывающих хозяйственную жизнь местных этнических сообществ, отчасти служит фактором стабилизации и упорядочения фрагментарной ткани формального институционального полотна [Патнэм, 1996, с. 207; Капра, 2004, с. 132]. А во-вторых, степень распространения неформальных социальных отношений напрямую связана с уровнем неопределенности, сложившимся в стране. По мнению Р. Роуза, развитие социального капитала в России обусловлено организационной неэффективностью менеджмента и бюрократических организаций в масштабе государства, из-за чего индивиды для достижения своих целей широко используют неформальные каналы, создают и используют альтернативные способы достижения целей [Роуз, 2002, с. 32].

Между тем инструменты укрепления и распространения традиционного социального капитала - поддержание статусом, поощрениями, одобрениями, социальной поддержкой норм, используемых в данном коллективе, и т.п. - в теории позволяют изменить вектор развития социума хотя бы посредством расширения масштабов применимости существующих норм для большего числа агентов. Этноэкономика Северного Кавказа характеризуется: агропромышленным характером функционирования, высоким уровнем внутренней консолидированности, институтами общинной самоорганизации, соседской взаимопомощью. Исследователи отмечают, что опыт развития аграрных сообществ в Бразилии, Мексике, Индии, на Тайване дает примеры того, как при определенных усло-

виях можно использовать социальный капитал для демократизации социальных, политических и экономических отношений на местном уровне [Социальный... 2004, с. 21]. Важную роль в этом процессе играет государство, использующее в социально-экономической политике эффект синергетического взаимодействия с обществом.

Социальный капитал, выступая содержательной характеристикой этноэкономики, эффективно выполняет стабилизирующую и воспроизводственную функции. Единственный недостаток - его ограниченная распространенность в пределах персонифицированной общности - семьи, рода, хорошо знакомых и связанных между собой какими-либо обязательствами лиц. В то же время позитивный потенциал социального капитала состоит в сохранении общности людей через обеспечение воспроизведения социальных условий благоприятного существования. Поэтому "в обществе, где царит квазисовременная практика, первостепенная задача состоит не в том, чтобы изменить ценности и отношения между людьми, а в том, чтобы изменить способы управления" [Роуз, 2002, с. 24].

Разумеется, стратегическая задача, которую предстоит решить в процессе регулирования развития этноэкономик, состоит в снижении неопределенности социальной среды в общенациональном масштабе, повышении уровня информационной прозрачности деятельности субъектов хозяйствования и управления, равно как и степени индустриализации и коммерциализации продукции, и т.п. Если же говорить о задачах регионального развития в рамках региональной политики регулирования, то они достижимы в контексте **территориальной политики социальной ответственности**.

Целями такой политики могли бы стать распространение масштабов социальной ответственности, уравновешивание конкурирующих интересов и определение приоритетов, учитывающих интересы инвесторов, потребителей, поставщиков, национальных и местных обществ, других добровольных организаций и даже неорганизованных групп, выработка социально-экономической идеологии или, как минимум, общей концепции взаимоотношений различных частей этноэкономического организма. Такого рода концепция основана на выделении в качестве приоритета развития способности региона к самообновлению и адаптации, генерированию НТП. Степень прогрессивности развития территории измеряется не просто долей старого и нового, традиционного и инновационного, а соотношением креативных и адаптивных, творческих и исполнительских функций. Критериями результативности территориальной политики могли бы служить "социальные индикаторы": оценка условий труда, состояния здравоохранения, транспорта и др. и их динамика в результате территориальной политики социальной ответственности; ранжирование субъектов в соответствии с их социальной деятельностью и поддержание их статусами, поощрениями, льготами и пр. [Ломовцева, 1998]. Инструментами реализации территориальной политики социальной ответственности, по нашему мнению, могли бы быть социальная отчетность предприятий, изменение статусов, властных и карьерных поощрений, создание патерналистского имиджа социально ответственных субъектов хозяйствования.

Таким образом, возможность и необходимость разработки территориальной политики социальной ответственности, с одной стороны, базируются на сложившейся территориально-ограниченной культурной практике помощи и взаимовыручке, с другой - позволяют использовать накопленный и воспроизводящийся традиционный социальный капитал для модернизации хозяйственной и в целом общественной жизни наций и народностей Северного Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксентьев В. А. Феномен этнопрофессионализма и этнические процессы на Северном Кавказе // Проблемы населения и рынки труда России и Кавказского региона. М. - Ставрополь, 1998.

Андреев А. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки и современность. 1996. N 1.

Иниаков О. В., Гузев М. М., Ломовцева О. А., Попов Р. А. Социоприродохозяйственные контуры регионального человеческого развития. Волгоград, 2001.

Капра Ф. Скрытые связи. М., 2004.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х т. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2000.

Колесников Ю. С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. N 2.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. N 3.

Кубышкин А. И., Голунов С. В. Нижнее Поволжье и постсоветское мусульманское пространство: проблемы экономического, политического, культурного взаимодействия // Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Придонья в XVIII-XX веках. Волгоград, 1998.

Ломовцева О. А. Планирование и прогнозирование региональной социоприродохозяйственной системы. Волгоград, 1998.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.

Регионы России. В 2 т. М., 2003.

Роуз Р. Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России // Общественные науки и современность. 2002. N 3.

Социальный капитал как научная категория // Общественные науки и современность. 2004. N 4.

Сустицын С. А. Потенции и ограничения пространственных трансформаций в экономике России // Регион: экономика, социология. 2004. N 1.

Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. N 4.

Флиер А. Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизведения сообществ // Общественные науки и современность. 2002. N 1.

Фукuyama Ф. Великий разрыв. М., 2003.

Шандиров М. О. Этноэкономика в системе регионального воспроизводства (на материалах Кабардино-Балкарской Республики). Автореф. дисс... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

Barton B. Mauritius: the Problems of a Plural Society. London, 1965.

Bourdieu P. Forms of Capital // The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001.

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985.